

Уютопия римских вилл: письма Плиния Младшего в гуманистической перспективе

ДМИТРИЙ ПАНЧЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ);
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Санкт-Петербург,
Россия, dmpanchenko@mail.ru.

Ключевые слова: Плиний Младший; римские виллы;
утопия; гуманизм.

Описания вилл в письмах Плиния Младшего представляют своего рода утопию. В ее основе — идеал облагороженной и приятной жизни, ключевое место в которой занимают возвышенные литературные занятия. Для реализации этого идеала требуются вдохновляющее природное окружение и определенная степень уюта, но не обычные для римлян круга Плиния приметы роскоши: позолота, слоновая кость, дорогие статуи. Описание Плинием своих вилл — это и не рассказ о статусе, общественном влиянии, будь то в политических или литературных кругах: его жизнь на виллах предполагает временное удаление и от бремени, и от дивидендов общественных обязанностей, сосредоточение на занятиях, чередуемых с отдыхом, при этом речь не идет об эскапизме.

Жизненный идеал, выступающий за тем, как Плиний описывает свои виллы, органично соотносится с его темпераментом и мировоззрением, какими они проявляются в письмах, не имеющих отношения к загородному времяпрепровождению. Как в описании вилл Плиний ничем не кичится, ни с кем не спорит, так и на пространстве всего сборника писем он выступает благожелательным, толерантным, дельным, заботливым человеком, обладающим при этом твердыми убеждениями. У(ю)топия Плиниевых вилл не является проектом коллективного переустройства, однако это — разработанный идеал, открытый для всех. Гуманизм Плиния удивительным образом предвосхищает гуманизм Нового времени.

НИ В ГРЕЧЕСКОМ, ни в латыни нет слова, соответствующего нашему «уюту». Это не значит, что жизнь греков и римлян была неизменно неуютной и что они даже не догадывались о том, что такое уют. Приведу строчки, написанные около 500 года до н. э., они принадлежат Ксенофану Колофонскому — философу, поэту, страннику, долгожителю:

Вот о чем нужно вести беседу зимней порою
У очага, возлежа на мягком ложе, наевшись,
Сладкое попивая винцо, заедая горошком:
«Кем ты будешь, откуда? Годов тебе сколько, милейший?
Сколько было тебе, когда нагрязнул Мидиец?»¹

В этих гекзаметрах описана ситуация, применительно к которой слово «уют» кажется вполне приложимым. Подобные ситуации знает и ценит уже автор «Одиссеи». Но для нас уют — нечто большее, чем ситуация. Слово «уютный» мы чаще всего употребляем по отношению к жилищу или же к приятному помещению вроде кафе, которое остается уютным даже после того, как мы его покинули. Из вещей чаще других уютным окажется, пожалуй, свитер. Уютными бывают тапочки, но сколь бы удобными ни были кроссовки, их не назовешь уютными.

У древних не было ни свитеров, ни кафе. Жилища простых людей были тесными, климат теплым, и потому было принято проводить много времени на открытом воздухе — среди других людей. Дома римских нобилей могли быть весьма просторными, но высокое общественное положение обязывало, и спальни многих влиятельных мужей в утренние часы превращались в публичное пространство, куда люди попроще приходили засвидетельствовать почтение покровителю: тут не до уюта.

Не будем абсолютизировать ни различия, ни сходства. Уют — частный случай комфорта, — однако же, особый случай. Уютное пространство предполагает полную безопасность, тепло, приятность для глаз и еще что-то невыразимое. Там, где уютно, вы проникаетесь безмятежностью. Эта безмятежность, впрочем, со-

1. Пер. А. В. Лебедева цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. С. 172 (Fr. В 22).

всем не сродни обретению нирваны. Она предполагает приподнятое (без чрезмерного возбуждения) настроение, и, если вы один (а уют, как правило, на одного, реже — на двоих), вам, возможно, захочется помечтать. Древние за таким занятием не замечены — сидеть в уютном кресле и мечтать.

Новые поведенческие установки и новые оттенки мировосприятия входят в культуру в связи с особыми историческими обстоятельствами. Цивилизация в Европе должна была выйти за рамки Средиземноморья и распространиться на области с более холодным и менее приятным климатом. Она должна была стать достоянием больших и эффективно управляемых стран, которые редко между собой воюют, и где даже разразившаяся война не обязательно представляет повсеместную опасность для жителей — тогда как в мире городов-государств война не оставляет безопасных мест, и сама потенциальная уязвимость политических образований небольшого размера побуждает не расслабляться. Чтобы люди озаботились уютом, цивилизация должна была дать простор свободной жизни отдельных индивидов, их надеждам и стремлению к счастью. Выходит, мы должны думать о первой половине девятнадцатого века, о времени после наполеоновских войн и о пространстве, условно, от Бостона до Санкт-Петербурга. В разных странах культура уюта, стремление к уюту занимали и занимают разное место: в Германии, России или Дании, кажется, большее, чем в Англии или Америке. Каковы бы ни были нюансы, уют — явление относительно новое. Поэтому весьма интересно обнаружить его предчувствие в письмах Плиния Младшего, родившегося почти 2 000 лет назад — в 61 или же в 62 году.

Плиний был владельцем нескольких вилл. Его богатство было отчасти унаследованным, отчасти приобретенным. Он был одаренным человеком, рано обратившимся к литературе и ораторскому искусству. Руководителем его занятий был брат его матери, Плиний Старший — человек выдающихся знаний и необычайно трудолюбив, к тому же крупный сановник; в 79 году он командовал флотом, стоявшим в Неаполитанском заливе, и его достойнейшая смерть — человека, поспешившего на помощь терпящим бедствие во время печально знаменитого извержения Везувия, — описана в одном из писем его племянника.

Плиний Младший рано стал сенатором; уцелел при разбушевавшемся Домициане, хотя и поддерживал добрые отношения с диссидентами; был оценен первыми императорами новой династии — Нервой и знаменитым Траяном: стал консулом, наместником провинции, на него возлагались важные поручения.

Он был видным адвокатом, дружил со всеми писателями своего времени, сам пробовал себя в разных жанрах и оставил нам тщательно подготовленный сборник своих избранных писем. Их 247, и они распределены по девяти книгам. В дошедшем до нас сборнике есть и десятая книга, не вполне ясного происхождения: ее образует переписка Плиния в качестве наместника провинции Вифиния с императором Траяном. Два письма — II, 17 и V, 6 — посвящены описанию вилл, принадлежавших Плинию и обустроенных с его участием. Одна из них была на побережье, километрах в двадцати пяти от Рима, другая — в Этрурии (нынешней Тоскане), у подножия Апеннин. В описаниях этих вилл мы и находим предчувствие уюта².

* * *

Посетим сначала этрусское поместье. Нашему взору предстает идиллия:

Плиний Домицию Аполлинарию привет. Я оценил твою заботливую любовь: услышав, что я собираюсь летом к себе в этрусское имение, ты уговариваешь меня не ехать, считая эти места нездоровыми. Побережье Этрурии действительно заражено и губительно, но мое имение далеко отступило от моря: оно лежит у подножия Апеннин, а эти горы по климату самые здоровые. А чтобы ты отложил всякий страх за меня, послушай, какой здесь мягкий климат, как расположена местность, сколько удобств в самой вилле. Тебе будет приятно слушать, а мне рассказывать.

Зимой здесь очень холодно: мирты, маслины и прочие деревья, которые хорошо идут там, где всегда тепло, здесь не примутся; лавр растет и бывает даже очень красив, но порой гибнет, правда не чаще, чем у нас под Римом. Лето удивительно мягкое, в воздухе всегда какое-то движение, чаще от ветерков, чем от ветров. Поэтому многие доживают здесь до старости; ты увидишь молодых людей, чьи деды и прадеды еще живы; услышишь старые сказки и язык, которым говорили наши предки; ты почувствуешь здесь, что родился в другом веке. Общий вид местности прекрас-

2. Письма Плиния в статье цитируются в переводах Марии Сергеенко (кн. I–VI) и Аристида Доватура (кн. VII–IX) по изданию: Письма Плиния Младшего. 2-е изд. М.: Наука, 1982; незначительные изменения в переводах не оговариваются. В этом же издании имеется отлично написанная статья Сергеенко «О Плинии Младшем» (С. 274–282). Не менее яркий очерк принадлежит Эдриану Шервину-Уайту: *Sherwin-White A. N. Pliny, the Man and His Letters // Greece and Rome. 1969. Vol. 16. № 1.* Он же является автором ценного комментария к письмам Плиния: *Idem. The Letters of Pliny: A Social and Historical Commentary. Oxford: Clarendon, 1966.*

ный: представь себе огромный амфитеатр, такой, который может придумать только природа. Широко раскинувшаяся равнина опоясана горами, вершины которых покрыты высокими старыми рощами. Охота там занятие обычное, дичь разнообразная.

Для читателей, выросших на литературе XIX века, уместно пояснить: природные зарисовки — явление редкое в античной литературе. Появление у богатых римлян вилл каким-то образом способствовало тому, чтобы люди стали любоваться природой. В письме к Аттику от 27 июля 45 года до н. э. Цицерон предельно коротко, но с подлинным воодушевлением отзывается о виде на море и холмы, открывающемся из его астурской усадьбы (Att. XII, 9). Не забывает о красоте ландшафта старший современник Плиния, Стаций, в поэтическом описании даже не своих, а чужих вилл (Silv. I, 3; II, 2). У нашего автора любование природой выступает особенно ярко, при этом, интересно отметить, только тогда, когда речь заходит о местах, где он подолгу живет, проводит свободное время, тогда как путевые зарисовки ему не свойственны.

Плиний, однако же, — римлянин, а римляне по части деловитости могут поспорить с протестантами Нового времени. Он был очень богат, успешен и превосходно проявил себя на важнейшей финансовой должности. В своих письмах он иногда ворчит по поводу докуки от вхождения в подробности управления своими владениями (V, 14, 8; IX, 15, 1; IX, 36, 6), но остается рачительным хозяином, и потому природная идиллия у него непринужденно сочетается с сельской:

Дальше спускаются по горе леса, откуда берут листья на корм скоту; между ними холмы с жирной почвой (если даже будешь искать здесь камни, вряд ли они попадутся), плодородием не уступающие полям на равнине; обильная жатва тут ничуть не хуже, только вызревает позднее. Ниже по всему боковому склону сплошные, широко и далеко раскинувшиеся виноградники представляют вид однообразный; по краю они как бы окаймлены деревьями, по которым вьются лозы. Дальше идут луга и поля — поля, которые могут поднять только очень крупные вола и самыми крепкими ралами; при первой вспашке из вязкой земли выворачиваются такие глыбы, что совсем их измельчить удастся только при девятой. Луга в пестрых цветах с клевером и другими нежными травами, всегда мягкими, словно весенними: их питают непересыхающие источники, но даже там, где воды очень много, болот не бывает. Земля здесь со склоном, и вся вода, которую она получает, но не впитывает, стекает в Тибр. Он пересекает поля, судоходен, и по нему везут в Рим

и зерно, и плоды, но только зимой и весной; летом он мелеет, русло у него высыхает: назвать его полноводной рекой в это время нельзя, но по осени опять можно.

В итоге:

Ты получишь большое наслаждение, если оглядишь всю эту местность с горы; тебе покажется, что ты видишь не просто земельные угодия, а картину редкой красоты: куда ни обратишь глаза, они будут отдыхать на этом разнообразии, на этой упорядоченности.

В этот синтез красоты, естественного здоровья местности и ее разумного использования включается мотив, если еще не уюта, то по крайней мере комфорта:

Усадьба расположена у подножия холма, но вид оттуда словно с вершины... Апеннины сзади и довольно далеко; оттуда в любой тихий и ясный день в усадьбу долетает ветер, но не пронизывающий и бурный, а словно уставший и обессиленный расстоянием. Большая часть усадьбы смотрит на юг и словно приглашает солнце.

Высокая цивилизация представлена у Плиния сложными, продуманными сооружениями. Привнеся элементы городской цивилизации в сельскую местность, римляне изобрели парк. В этрусском поместье жилые помещения и парк выступают в привлекательном единстве:

Перед портиком цветник; разнообразного вида грядки разделены буксом; вниз от цветника спускается лужок, на котором одно против другого стоят деревца букса, которым придана форма зверей; под ними мягкий, я сказал бы, волнообразно струящийся аканф. Вокруг дорожка, обсаженная низким, разнообразно подстриженным вечнозеленым кустарником, затем аллея в форме цирка, окаймленная буксом, по-разному подстриженным, и низенькими деревцами, задержанными в росте рукой садовника... Из портика, в самом начале его выступает столовая; из дверей ее видны край цветника, луга, широкий деревенский простор: из окон по одной стороне часть цветника и выступающие вперед постройки; из окон по другой — густолиственные купы деревьев на соседнем ипподроме. Против середины портика, отступая назад, флигель с маленьким внутренним двориком, осененным четырьмя платанами; между ними фонтан, переполняющий мраморный бассейн, освежает платаны и траву под ними мелкой водяной пылью.

Усадьбой не только любуются, там еще и живут:

В этом помещении есть спальня, куда не проникают ни свет, ни звук; рядом обычная столовая, где обедают в дружеском кругу; она смотрит на дворик, портик и на все то, на что и портик. Есть и другая спальня, в которой от соседнего платана стоит зеленый полумрак; она отделена мраморными панелями: живопись, изображающая ветвистые деревья и птиц на ветвях³, не уступает в красоте мрамору. Тут есть маленький ключ, вода которого с очень приятным ропотом падает через множество трубочек в чашу.

Я опускаю многие подробности в описании помещений и парка (где, например, есть фонтан и мраморные скамьи и где «журчат ручьи, текущие туда, куда их направила рука садовника»). Обстоятельность, с какой Плиний описывает свою виллу, делает его письмо намного длинней, чем принято. Своего адресата он ободряет тем, что тот ведь может отложить письмо, дочитать потом, и признается, что ему было трудно себя сдерживать, поскольку он отдался своей любви. «Я люблю, — поясняет он, — то, что почти целиком создал сам или же усовершенствовал».

И вот, наконец, — уют или что-то, очень похожее на уют:

Комната сверкает мрамором; двери открываются в зелень листьев; из одних окон смотришь вверх на зеленый склон, из других вниз. Маленькая, выступающая вперед веранда кажется частью той же самой комнаты и особой комнатой. Здесь стоит ложе, окна есть со всех сторон, но в комнате полумрак от тени: роскошная лоза, захватив всю крышу, поднимается до самого конька. Ты лежишь там словно в лесу, только не чувствуешь, как в лесу, дождя.

Заметим, что Плиний описывает покои на одного. Приватность, если и не всегда обязательная, то все же свойственная тому, что мы называем уютом, выступает характеристикой всего образа жизни в этрусском поместье:

Отдых здесь вернее, глубже и полнее; тога вовсе не нужна, по соседству никого, кто бы пригласил к себе; всюду мир и покой вдобавок к здоровой местности, ясному небу, прозрачному воздуху.

3. Изумительной красоты фрески такого рода были на вилле Ливии, жены императора Августа; их можно видеть теперь в одном из римских музеев (Палаццо Массимо). Сергеевко отмечает, что Плиний, любясь птицами у себя на фресках, как бы не видит их у себя в парке (Письма Плиния Младшего. С. 282).

* * *

Привязанность Плиния к здоровой местности у подножья Апеннинских гор хорошо понятна. Сам он вырос в месте, расположенном в глубине материка, — правда, на берегу большого озера, Комо. Родные места Плиний чрезвычайно любил; всегда оставался патриотом родного города и щедрым благотворителем; на берегах озера обустроил для себя две (небольшие?) виллы, которые шутливо называл Комедией и Трагедией:

Одна ближе к озеру, с другой открывается на него более широкий вид... там не чувствуется волн, здесь они разбиваются о стены; там можно смотреть вниз на рыбаков, здесь — самому рыбачить, забрасывая удочку из спальни и чуть ли даже не с постели, как из лодочки (IX, 7).

Но, кажется, больше всего он — как и многие из нас — любил пожить у моря. Другая вилла, которую он подробно описывает, — приморская, и слово «море» на протяжении своего рассказа он употребляет там множество раз, пренебрегая парафразами и синонимами.

Во многом описание приморской виллы строится сходно с описанием этрусского поместья. Это не удивительно, как и не удивительно наличие различий. Вилла, расположенная на берегу моря недалеко от Рима, была, в сущности, роскошной дачей; она не приносила дохода, и в нее можно было приехать на короткое время, воспользовавшись внезапной свободой от дел, руководствуясь желанием выбраться из города и оказаться в своем собственном, приятном для глаз и благоустроенном — уютном — пространстве. Здесь Плиний чаще бывал зимой и весной, в Этрурии — летом.

Письмо, как и другое, обращено к другу⁴. В данном случае звучит настойчивое приглашение приехать. Похоже, однако, что Плиний не очень верит в то, что это случится: в письме нет ни предвосхищения радости совместных занятий, ни завлекательного изображения гостевых покоев. Описание приморской виллы — в сущности, рассказ о себе.

Вступление мастерское. Деловые указания относительно того, как добраться, перерастают в череду живописных картин:

Плиний Галлу привет. Ты удивляешься, почему я так люблю мой Лаврентинум (или, если ты предпочитаешь, мой Лаврент). Ты

4. В качестве общего введения к письму с многочисленными ссылками на научную литературу см.: *Pliny the Younger. Epistles. Book II* / C. Whitton (ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2013. P. 218–222.

перестанешь удивляться, познакомившись с прелестью виллы, удобством местоположения, широким простором побережья. Вилла отстоит от Рима в 17 милях, так что, покончив со всеми нужными делами, полностью сохранив распорядок дня, ты можешь там пожить. Дорога не одна: туда ведут Лаврентийская и Остийская; с Лаврентийской свернуть у четырнадцатого столба, с Остийской у двенадцатого; и там и тут начинаются пески; в повозке ехать тяжелее и дольше; верхом приедешь скорее, и дорога для лошади мягкая. Вид все время меняется, дорогу то обступают леса, и она тянется узкой полосой, то расстилается среди широких лугов. Много овечьих отар и лошадиных табунов, много стад крупного рогатого скота: зима их согнала с гор, и животные отъедаются травой на весеннем солнце.

Мы доехали, добрались, и нас сразу же вводят на территорию обжитого пространства — открываются двери, проходим через несколько помещений, и в нужный момент нам дают оглянуться по сторонам, чтобы мы увидели, как красиво вокруг:

На вилле есть все, что нужно; содержание ее обходится недорого. Тыходишь в атрий, скромный, но со вкусом устроенный; за ним в форме буквы D идут портики, окружающие маленькую милую площадку: в плохую погоду нет убежища лучше — от нее защищают рамы со слюдой, а еще больше нависающая крыша. Напротив — радующий глаз перистиль, а за ним красивый триклиний, выдвинутый вперед к побережью. Когда при юго-западном ветре на море поднимается волнение, то последние волны, разбиваясь, слегка обдают триклиний. У него со всех сторон есть двери и окна такой же величины, как двери: он смотрит как бы на три моря. Оглянувшись... ты увидишь леса и дальние горы.

В обустройстве жилых помещений проявляется тяга Плиния к солнечному свету; мы также замечаем, что он отнюдь не нелюдит и ему приятно видеть, что вилла — отличное место для близких ему людей:

Слева от триклиния, несколько отступив назад, находится большая комната, за ней другая, поменьше; она освещена через одно окно утренним солнцем, через другое — вечерним (вечернее — стоит долго); море от нее дальше, и волны до нее не докатываются. Угол между стеной этой комнаты и стеной триклиния залит полуденным солнцем; нагретые стены еще увеличивают жару. Тут мои домашние разбивают зимний лагерь; тут у них и гимнасий; здесь никогда не чувствуется ветер, и надвинувшимся тучам надо совсем затянуть ясное небо, чтобы они оттуда ушли.

Коротко, но выразительно говорится о библиотеке и спальне; они соседствуют — как и любовь к книгам с любовью к разумному комфорту:

К этому углу примыкает комната, закругленная в виде абсиды; солнце, двигаясь, заглядывает во все ее окна. В ее стену вделан, как бывает в библиотеках, шкаф, где находятся книги, которые надо не прочесть, но читать и перечитывать. Спальня рядом — через маленький коридорчик, откуда равномерно в обе стороны поступает здоровое умеренное тепло от нагретого пола и труб.

Еще комнаты; баня; «чудесный бассейн с горячей водой, плавая в котором видишь море»; площадка для игры в мяч; «столовая с широким видом на море, на уходящее вдаль побережье и прелестные виллы»; аллея, обсаженная буксом, к которой примыкает «тенистая дорога, мягкая даже для босых ног, оставляющих в ней свои отпечатки»; шелковицы и смоковницы в прекрасном саду⁵.

Далее описывается криптопортик, то есть портик с заделанным пространством между колонн, но при этом с окнами. В сторону моря окон больше, в сторону сада меньше; в ясный безветренный день они открыты все. Перед криптопортиком цветник с благоухающими левкоями. И вот — атмосфера уюта:

За цветником, криптопортиком, садом лежат мои любимые помещения, по-настоящему любимые: я сам их устроил. Тут есть солярий; одной стороной он смотрит на цветник, другой на море, обеими на солнце. Двери спальни обращены к криптопортику, окно к морю. Напротив из середины стены выдвинута веранда, с большим вкусом устроенная; ее можно прибавлять к спальне и отделять от нее: стоит только выставить рамы со слюдой и отдернуть занавеси или же задернуть их и вставить рамы. Тут стоят кровать и два кресла: в ногах море, за спиной виллы, в головах леса: столько видов — из каждого окошка особый. Рядом спальня, где спишь и отдыхаешь. Стоит закрыть окна, и туда не долетают ни голоса рабов, ни ропот моря, ни шум бури; не видно блеска молний и даже дневного света. Такая полная отключенность объясняется тем, что между спальней и стеной, обращенной к саду, проходит коридор: все звуки поглощены этим пустым

5. Что касается бассейна с водой, откуда видно море, то Сенека еще на полвека раньше саркастически замечает: «...теперь называют тараканьей дырою ту баню, которая устроена не так, чтобы солнце целый день проникало в широченные окна, не так, чтобы в ней можно было мыться и загорать сразу, чтобы из ванны открывался вид на поля и море» (Sen. Epist. LXXXVI, 8; пер. С. А. Ошерова).

пространством. К спальне примыкает резервуар с подогретым воздухом: смотря по надобности, он или пропускает тепло через узкий душник, или сохраняет его у себя.

Приватность уютного пространства особо подчеркивается:

Когда я скрываюсь в этом помещении, мне кажется, что я ушел даже из усадьбы, и очень этому радуюсь, особенно в Сатурналии, когда остальной дом, пользуясь вольностью этих дней, оглашается праздничными криками. Ни я не мешаю моим веселящимся домохозяевам, ни они мне в моих занятиях.

Можно заметить, что ни в этом, ни в другом описании Плиниевых вилл не упоминаются женские покои и вообще нет ни слова о жене, хотя, судя по другим письмам, Плиний относился к ней нежно и уважительно (VI, 4; VI, 7; VII, 5).

Подчеркну: в Плинии нет ничего от затворника. Он с удовольствием выступает в сенате, обожает бывать в литературных собраниях — и если сетует, то не на тесноту, а на недостаточный интерес к ним со стороны публики (I, 13). Покинув Рим, ему совсем не обязательно сторониться людей, стремление к уютному уединению не имеет ни малейшего отношения к мизантропии, скорее наоборот — позитивное восприятие окружающего мира является составляющей в ощущении уюта:

В лесах поблизости дров сколько угодно; все припасы привозят из Остии, но человеку неприветливому не надо ходить дальше деревни; она находится от меня через одну усадьбу. Там есть три платных бани: это большое удобство, если дома топить баню не стоит: или неожиданно приехал, или недолго пробудешь. Берег очень красят своим разнообразием усадьбы, которые идут то сплошь, то с промежутками; если смотреть на них с моря или с берега, то кажется, перед тобой ряд городов.

Прекрасно выстроенное повествование завершается новым обращением к Галлу. Оно выдержано в тоне сердечности и непосредственности, что наилучшим образом умеряет не вовсе скрытое тщеславие владельца виллы и автора письма:

Достаточно у меня, по-твоему, причин стремиться сюда, жить в этом месте, любить его? Ты раб города, если тебе не захочется приехать. Если бы захотелось! Твое пребывание будет больше всего рекомендовать мою маленькую виллу и ее достоинства. Будь здоров.

* * *

То, что мы обнаруживаем в письмах Плиния, и меньше, и больше, чем привычное нам понятие уюта. Меньше — поскольку соответствующая установка размыта. Больше — потому что в описаниях Плиниевых вилл выступает утопический элемент: здесь присутствует связь с определенными идеалами и как бы программой определенного образа жизни, отвечающего этим идеалам. Для описания этого явления я охотно пользуюсь словом *утопия*, придуманным, как я понимаю, Константином Очеретяным в совершенно другой связи.

Если этрусское поместье представлено как превосходное место для отдыха, «скромная» лаврентийская вилла выступает как наилучшее место для литературных занятий. Тут, впрочем, нет противопоставления, разница лишь в том, что выносится на первый план, тем более что сам отдых мыслится подспорьем для литературной работы. Плиний был очень богат, обе его виллы роскошны в том смысле, что стоят уймы денег. Однако в их описании нет характерной для того времени роскоши: позолоты, слоновой кости, дорогих статуй⁶. Это совсем не рассказ о богатстве. Это и не рассказ о статусе, общественном влиянии, будь то в политических или литературных кругах: никто не рвется во что бы то ни стало попасть на одну из Плиниевых вилл. Перед нами вырисовывается идеал жизни, в которой высшая ценность и первое место принадлежат занятию литературой, а не богатству, влиянию и власти; для полноценной реализации идеала требуется, однако, нечто особенное: благоустроенная, радующая глаз, расположенная в живописном месте и в стороне от центров деловой активности вилла.

Приятно, когда умозаключения можно проверить. То, что мы вывели на основании двух писем, превосходно подтверждается другими. Наиболее выразительные в этом смысле находятся в самом начале всего сборника. Буквально в третьем письме первой книги Плиний обращается к своему земляку и другу:

Плиний Канинию Руфу, привет. Ну как Комо, наша с тобой радость? и прелестная пригородная вилла? портик, в котором всегда весна? аллея платанов с ее густой зеленью? канал с водой, отсвечивающей зеленью? Пруд внизу⁷? он к нашим услугам? А та дорожка с землей плотной, но мягкой для ноги? а баня, круглый день залитая солнцем? столовые для большого общества

6. Что присутствует, например, в описаниях Стация (*Silv.* I, 3, 47–51).

7. Не вполне ясно, обозначает ли здесь слово *lacus* искусственный водоем или озеро Комо.

и те, что лишь для некоторых? комнаты, где ты проводишь день, и спальни? Они завладели тобой и передают, чередуясь, одна другой? Или тебя, внимательного хозяина, отвлекают обычные твои частые разъезды по имению? Если завладели тобой — счастливый ты человек, а если нет, ты «один из многих». Почему ты (уже пора) не поручишь эти низменные мелкие заботы другим и в этом глубоком полном уединении целиком не отдашь занятиям? им твой труд, им досуг; им работа и отдых, бдение и сон. Создай, выкуй, что останется твоим навеки! Остальные твои владения после тебя не раз переменят хозяина; это, став твоим, никогда быть твоим не перестанет.

Комментаторы призывают нас не придавать большого значения словам о низменных мелких заботах, указывая, что и автор письма, и адресат относились к хозяйству внимательно и серьезно. Можно согласиться — но не с тем, чтобы признать в этих словах лишь дань принятому хорошему тону. Здесь речь идет о выборе, и утрированное принижение тривиального пути обусловлено тем, что правильное решение не было самоочевидным; из других писем мы видим, что Каниний не спешил оправдать веру друга в его высокую литературную одаренность. Вообще же говоря, деятельное отношение к хозяйству было для такого человека, как Плиний, совершенно естественным. Помимо прочего — потому, что в неустроенном поместье, где беспорядок порождает заботы, трудно сосредоточиться на литературных занятиях.

Изложить принцип и идеал в общем виде удобней, обращаясь к другу. Девятое письмо первой книги, как и все прочие письма, имеет своего адресата, но здесь описание опыта, близкого многим, служит для того, чтобы перейти к чувствам одного — самого Плиния:

Удивительно, как в Риме каждый день занят или кажется занятым; если же собрать вместе много таких дней — окажется, ничего ты не делал. Спроси любого: «Что ты сегодня делал?», он ответит: «Присутствовал на празднике совершеннолетия, был на сговоре или на свадьбе. Один просил меня подписать завещание, другой защищать его в суде, третий прийти на совет». Все это было нужно в тот день, когда ты этим был занят, но это же самое, если подумаешь, что занимался этим изо дня в день, покажется бессмыслицей, особенно если ты уедешь из города. И тогда вспомнишь: «Сколько дней потратил я на пустяки!» Так бывает со мной, когда я в своем Лаврентийском поместье что-то читаю, или пишу, или даже уделяю время на уход за телом: оно ведь поддерживает душу. Я и не слушаю, и не говорю того, в чем при-

шлось бы потом каяться; никто у меня никого не злословит; никого я не браню, разве что себя за плохую работу; ни надежда, ни страх меня не тревожит, никакие слухи не беспокоят; я разговариваю только с собой и с книжками.

На столь выразительных словах, казалось бы, можно остановиться. Однако письмо продолжается. Само по себе противопоставление творческого уединения городской суете недостаточно. Для подлинно воодушевляющих занятий необходимо вдохновляющее природное окружение:

О правильная, настоящая жизнь! О сладостный благородный досуг, который прекраснее всякого дела! О море, берег, подлинно уединенный *μουσειον*⁸, сколько вы мне открыли, сколько продиктовали!

В другом письме Плиний сетует, что в силу обстоятельств не может уехать «к себе под Лаврент, к книгам, дощечкам, к досугу, наполненному трудом» (I, 22).

Досуг в этрусском имении предстает в шестом письме из той же первой книги. Здесь нет ни принципов, ни пафоса, да и перед адресатом — великим современником, хотя бы и другом — Плиний немного робеет. Но письмо вышло славным:

Плиний Корнелию Тациту привет. Ты будешь смеяться — смейся, пожалуйста. Я — вот этот я, которого ты знаешь, взял трех кабанов — и превосходных. «Сам?» — спрашиваешь ты. — Сам, пребывая, однако, в своей обычной спокойной неподвижности. Я сидел у тенет, рядом были не рогатины и копыя, а стиль и дощечки; я что-то обдумывал и делал заметки, чтобы вернуться домой, если и с пустыми руками, то с полными табличками. Не пренебрегай таким способом работы: ходьба, движение удивительно возбуждают душу; а леса вокруг, уединение, само молчание, требуемое охотой, побуждают к размышлению. Потому, когда пойдешь на охоту, вот тебе мой совет: бери с собой не только корзиночку с едой и бутылку, но и дощечки: узнаешь, что Минерва бродит по горам не меньше, чем Диана. Будь здоров.

В сходном духе Плиний пишет Кальпурнию Макру:

Я в своем этрусском имении и охочусь, и занимаюсь, иногда сменяя одно другим, иногда соединяя то и другое, но и до сих пор

8. «Святынище Муз» — слово, от которого происходят Музей в Александрии и все наши музеи.

не могу объявить, что труднее: поймать какую-нибудь дичь или что-то написать (V, 18).

Хотя уютотипия Плиния нерасторжимо связана с занятиями (*studia*), она все же принадлежит досугу. Характерно, что Плиний не описывает свой римский дом, о котором мы знаем, что он был достаточно просторным и благоустроенным, чтобы устраивать в нем литературные чтения (VIII, 21, 2).

Мы можем еще уточнить Плиниев идеал, обратившись к его же характеристике досуга и вилл своего старшего современника, влиятельного человека и тоже писателя. Одно из писем Плиния к Канинию Руфу представляет собой выразительный некролог Силия Италика. Плиний не молчит о неприглядном политическом прошлом умершего, но принимает, что тот в известной мере его искупил. О позднем периоде жизни Силия Плинию есть что сказать хорошего, оставаясь при этом правдивым:

Он был из первых людей в государстве, жил, не ища власти и не навлекая ничьей ненависти... Спальня его всегда была полна людей, приходивших не из корысти; если он не писал, то проводил дни в ученых беседах. Сочинял он стихи, скорее тщательно отделанные, чем талантливые; иногда публично читал их, желая узнать, как о них судят⁹.

Силий Италик, отмечает Плиний, до такой степени был любителем красоты, что его можно было упрекнуть в страсти покупать.

В одних и тех же местах у него было по несколько вилл; увлекшись новыми, он забрасывал старые. Повсюду множество книг, множество статуй, множество портретов. Для него это были не просто вещи: он чтит эти изображения, особенно Вергилия, чей день рождения праздновал с большим благоговением, чем собственный, особенно в Неаполе, где ходил на его могилу как в храм (III, 7).

Для Плиния занятия литературой не требуют дворцовой роскоши, торжественной обстановки, соседства бронзовых или мраморных кумиров и даже множества книг. Плиниев идеал не вельможный, а гуманистический. Никакой взбалмошности и демонстративности; все устраивается продуманным образом, так, чтобы сложилась приятнейшая обстановка для уединенной и возвышающей дух работы.

9. Современные знатоки римской литературы обыкновенно судят о поэтическом наследии Силия Италика в полном согласии с Плинием.

Противопоставив этот идеал менее строгому духу Силия Италика, мы оттенили лишь одну сторону уютопии Плиниевых вилл. Чтобы уравновесить картину, бросим взгляд на то, что Плиний предназначает своему протеже. И это, кстати, не кто иной, как Светоний Транквилл, будущий автор «Жизнеописаний двенадцати Цезарей». В письме, адресованном одному из своих деловых знакомых, Плиний просит того позаботиться о том, чтобы Светоний смог приобрести выставленное на продажу именье по разумной цене:

В этом именье (если цена ему подходящая) моего Транквилла привлекает многое: соседство города, хорошая дорога, небольшая усадьба и поле, которое величиной своей не отяготит хозяина, но отвлечет его от забот. Хозяину, погруженному в ученые занятия, такому, как он, хватит с избытком участка, где он освежит голову, даст отдых глазам, медленно пройдет по межам, протопчет одну и ту же тропинку; где ему знакомы и пересчитаны каждая лоза и каждый кустик (I, 24).

Неплохо, но как это далеко от моря, гор, цветников, роскошных видов и открытой солнцу архитектуры Плиниевых вилл! Правда, если нужно, и свою лаврентийскую усадьбу — расположенную тоже близ Рима — искусный писатель может представить скромным владением:

Имение в Этрурии выбило градом; из Транспаданской области сообщают об очень большом урожае и такой же дешевизне; только у меня и доходу, что с моего Лаврентинума. Там у меня ничего нет, кроме крыши над головой, сада с огородом и песков сразу же за ними — тем не менее только с него у меня и доход. Там я больше всего пишу, возделываю не поле (его у меня нет), а занятиями — собственный ум и могу показать, как показывают в других местах полный амбар, полный ящик рукописей (IV, 6).

Жизненный идеал, выступающий за образом этрусской и приморской вилл, органично соотносится с темпераментом и мировоззрением нашего автора, какими они проявляются в письмах, не имеющих отношения к загородному времяпрепровождению. Как в описании вилл Плиний ничем не кичится, ни с кем не спорит, так и на пространстве всего сборника писем он выступает благожелательным, толерантным, дельным, заботливым человеком, обладающим при этом твердыми убеждениями.

Он способен бескорыстно восхищаться другими людьми (яркий пример: VII, 25). Его огорчает, когда люди, придя на литературные чтения, не найдут доброго слова для автора (VI, 17). Он — предан-

ный покровитель молодых талантов¹⁰. Он умеет говорить о великих, как Плиний Старший: какой обаятельный портрет эрудита, труженника и невозмутимого храбреца (III, 5; VI, 16)! Плиний то и дело хлопчет о друзьях, умеет соединить тактичность с настойчивостью (например: VI, 8). Он мягко обходится со своими рабами (I, 4; V, 19), готов заступиться и за чужих (IV, 10). Арендаторам прощает недоимки, но не ленится изыскать средства построить отношения с ними к взаимной все же выгоде (IX, 37). Он прилагает усилия, чтобы организовать лечение своего вольноотпущенника Зосима — человека «честного, услужливого, знакомого с литературой», мастера в своем ремесле (V, 19). Он — щедрый благотворитель¹¹, но дарит деньги с умом. Так, сознавая неудобства и недостатки такого положения вещей, что граждане его родного Комо посылают детей учиться в Медиолан (Милан), он предлагает собрать деньги на привлечение в город хороших учителей — сам он внесет треть суммы; в письме к Тациту он объясняет, что ему не жаль взять на себя все расходы, но, если родители не будут платить, они станут беспечно относиться к тому, чтобы приглашенные учителя были действительно хорошими; а к Тациту у него просьба:

... из толпы ученых поклонников твоего таланта, у тебя собирающихся, высмотри, кого бы прельстить учительским местом; оговорю только, что я никому ничего не обещаю: я сохраняю за родителями полную свободу, пусть они обсуждают, пусть выбирают (IV, 13).

Плиний урезонивает одного из своих друзей, который не в меру гневается на чужую безвкусицу:

Подумай, как много на свете людей, которых отталкивает все то, чем мы с тобой пленяемся и увлекаемся (IX, 17).

Толерантность — вообще его принцип:

Я считаю самым лучшим и самым безупречным человека, который прощает другим так, словно сам ежедневно ошибается, и воздерживается от ошибок так, словно никому не прощает... Будем помнить, что Тразея, кротчайший человек, великий именно своей кротостью, часто говаривал: «Кто ненавидит пороки, ненавидит людей» (VIII, 22).

10. *Sherwin-White A. N. Pliny, the Man and His Letters. P. 80–81.*

11. Примеры, собранные Сергеевко, см. в: *Письма Плиния Младшего. С. 281. Прим. 5.*

Знаменателен выбор авторитета: Тразея Пет был нравственным вождем римских диссидентов при позднем, разнузданном и депотическом, правлении Нерона (император приказал ему умереть, и на последних часах Тразеи обрываются «Анналы» Тацита).

Толерантность распространяется на отношения между родителями и детьми:

Некто бранил своего сына за то, что тот немного переплатил за лошадей и собак. Когда юноша ушел, я говорю ему: «Послушай, разве ты никогда не делал того, за что тебя мог бы поругать отец? Делал ведь! И разве иногда ты не делаешь того, в чем твой сын, если бы вдруг он стал отцом, а ты сыном, не мог бы укорить тебя с такой же суровостью? Разве все люди не подвержены каким-нибудь ошибкам? Разве один не потакает себе в одном, а другой в другом?»

Отталкиваясь от этого эпизода, Плиний закликает близкого ему человека:

Мы так любим друг друга, что я не мог не написать тебе, находясь под впечатлением этой неумеренной строгости: не обходишь никогда со своим сыном слишком жестоко и строго. Подумай о том, что он мальчик, что и ты был когда-то таким, и, пользуясь своим положением отца, помни, что ты человек и отец человека (IX, 12).

В отношениях с молодой женой Плиний бесконечно радуется тому, что та разделяет его любовь к литературе, болеет за его авторский успех. «Я твердо надеюсь, что жить мы будем в постоянном, со дня на день крепнущем единодушии» (IV, 19; ср. VIII, 5). Подобное стремление к духовной общности с женой — далеко не тривиально для Рима (хотя отчасти предвосхищается Катуллом (Cat. 109)). Еще менее обычны взволнованные, любовные письма Плиния, адресованные жене, а не возлюбленной (VI, 7; VII, 5)¹².

В письмах Плиния читатель не найдет никакой воинственности, ничего от духа римского империализма. И даже в «Панегирике Траяну», в целом не делающем чести нашему автору, Плиний выступает как убежденный сторонник мира, с презрением говорит о войне ради золота и добычи, а в личности императора подчеркивает способность внушать уважение — как народам и вождям, склонным к агрессии, так и собственным солдатам, с которыми полководец честно делит труды, — способность, дающую шанс удержать устойчивый порядок, не прибегая к кровопролитию (12–19).

12. *Sherwin-White A. N. Pliny, the Man and His Letters. P. 79.*

Спору нет, кое в чем Плиний слишком толерантен по отношению к самому себе: в сборнике его писем изрядно много саморекламы, особенно по части литературного и ораторского успеха. Хотелось бы также, чтобы как администратор и судебно-политический оратор Плиний строже и решительней выступал на стороне добра и справедливости. Но если владелец этрусской и лаврентийской вилл по складу не борец с режимом, он, безусловно, все же человек доброй воли.

Для Плиния есть и сфера, где продолжением толерантности выступает не мягкость, а непреклонность. Это то, что касается основ цивилизованной жизни и людей, заложивших, в его представлении, эти основы:

Плиний Максиму привет... Подумай, что тебя посылают в провинцию Ахайю, эту настоящую, подлинную Грецию, где, как мы верим, впервые были изобретены уклад, подобающий роду человеческому, образованность и даже возделывание хлебных полей (*humanitas, litterae, etiam fruges*), посылают, чтобы упорядочить состояние свободных городов, то есть посылают к людям, которые по-настоящему люди, к свободным, которые по-настоящему свободны и которые сохранили свое природное право доблестью, заслугами, дружбой и, наконец, договором, освященным религией. Чти богов основателей и имена богов, чти древнюю славу и ту самую старость, которая почтенна в человеке и священна в городах. Воздавай почет древности, воздавай его великим деяниям, воздавай даже мифам. Не умаляй ничьего достоинства, ничьей свободы; не останавливай даже хвастливых речей. Всегда помни, что это та земля, которая дала нам право и прислала законы, не по праву победы, а по нашей просьбе; что ты вступаешь в Афины, что ты правишь Лакедемоном: отнять у них последнюю тень свободы и оставшееся имя свободы было бы зверской, варварской жестокостью... Не забывай, чем был каждый город, и не презирай его за то, что он это утратил; не будь высокомерен и суров (VIII, 24).

Сергеенко, которой принадлежит превосходный перевод большей части писем Плиния¹³, подчеркивает наличие у него далеко не мяг-

13. В известном смысле перевод был сделан дважды: вариант второго издания зачастую существенно отличается от того, что было в первом издании, 1950 года, и в новом издании неизмеримо лучше очерк, посвященный Плинию (справедливости ради: первое издание лучше в типографском отношении). См. также: Гаврилов А. К., Казанский Н. Н. О Марии Ефимовне Сергеенко (1891–1987) // Блаженный Августин. Исповедь / Пер. М. Е. Сергеенко. СПб.: Наука, 2013.

ких критических замечаний в адрес собратьев-сенаторов, в адрес адвокатской среды, да и вообще современников¹⁴. Это верно, и еще даже есть что прибавить: например, Плиний не разделяет популярного увлечения цирком или отмечает самоуверенность и недостаточную почтительность молодежи. Принципиальным, однако, является то, что такого рода замечания не определяют общий тон и дух сборника писем Плиния. Приведя собранные ею примеры, сама Сергеенко совершенно справедливо пишет, что Плиний «хорошо уживался с этим миром, в котором действовал во весь размах своих сил и энергии». Поэтому мне трудно согласиться с ее заключением, согласно которому некоторые элементы в оформлении вилл Плиния и его «бегство в *studia*» являют собой «недоверие к реальному миру и желание хотя бы на время ускользнуть от него»¹⁵. Для этого в атмосфере Плиниевых вилл слишком много безмятежности и уюта. Ускользнуть на время от дел — да. Недоверие к реальному миру? Напротив — уверенное восприятие его. С ясным пониманием, что в мире полно такого, что не может понравиться. Уютопия Плиния не есть альтернатива плохой, или же порочной, жизни; скорее — это придание большего достоинства, смысла и удовольствия жизни обыкновенной, с ее лучшими свойствами и ее недостатками.

По сути дела, уюттопия Плиниевых вилл — это идеал благоуханной, богатой солнечным светом, приятной, разумной, гуманной жизни. Сюда попадают и комфорт, и украшенная природа, и возвышенные занятия, и радость общения, и благодать уединения, и забота о других людях. У Плиния все это сочетается еще и с серьезным отношением к общественным задачам. Уюттопия принадлежит досугу, но не тому досугу, что урывками, уворованному от бремени дел и честолюбивых надежд, а вольному, нестесненному, равноправному по отношению к текущим обязанностям.

Уюттопия — противоположность жизни убогой. Как форму уюттопии сравним ее с классическими уюттопиями Платона или Кампанеллы. Там — минимум уюта, даже не минимум — а полное его отрицание. Там у всех все сообща, в «Городе Солнца» передвигаются исключительно отрядами. Классическая уюттопическая традиция не бедна мыслью и духом; в ней много силы, связанной с отрицанием неравенства, эксплуатации или разгула самодовольной глупости. Но эта традиция (за частичным исключением «Уюттопии» Томаса Мора) предлагает нам, в сущности, жизнь убогую. Как вышло так, что человеческое воображение воспользовалось

14. Письма Плиния Младшего. С. 279.

15. Там же. С. 282.

предоставленной жанром возможностью придумать самое лучшее, чтобы нарисовать тоталитарную тягомотину, — я объяснил это много лет назад: эти утопии писались с точки зрения правителя (руководителя, архитектора), а не с точки зрения частного лица; чтобы было удобней управлять, а не приятней жить¹⁶.

Утопия — утопия частного свойства, не проект коллективно переустройства. Тем не менее это проект для всех. Понравилось — подражай! Еще в эпоху Возрождения сложилась традиция более или менее прямых подражаний¹⁷. Но я имею в виду подспудное, но более основательное восприятие образа жизни, представленного в письмах Плиния. Жизненный стиль, первоначально доступный лишь для самой верхушки общества, постепенно распространился на относительно широкий круг — пусть и в более скромных версиях. Я предлагаю рассматривать утопию Плиниевых вилл как ступень на пути гуманизации жизни, ее обогащения и обогащения.

Удивительно, конечно, насколько Плиний Младший, если верен нарисованный здесь портрет, по своему мировоззрению оказывается близок людям Нового времени. Этот вопрос требует, однако, особого обсуждения.

Библиография

- Гаврилов А. К., Казанский Н. Н. О Марии Ефимовне Сергеевко (1891–1987) // Блаженный Августин. Исповедь / Пер. М. Е. Сергеевко. СПб.: Наука, 2013.
- Панченко Д. В. Ямбул и Кампанелла: О некоторых механизмах утопического творчества // Античность и Возрождение. М.: Наука, 1984.
- Письма Плиния Младшего. 2-е изд. М.: Наука, 1982.
- Сергеевко М. Е. О Плинии Младшем // Письма Плиния Младшего. 2-е изд. М.: Наука, 1982. С. 274–282.
- Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1.
- De la Ruffinière du Prey P. The Villas of Pliny from Antiquity to Posterity. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Pliny the Younger. Epistles. Book II / C. Whitton (ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2013.
- Sherwin-White A. N. Pliny, the Man and His Letters // Greece and Rome. 1969. Vol. 16. № 1. P. 76–90.
- Sherwin-White A. N. The Letters of Pliny: A Social and Historical Commentary. Oxford: Clarendon, 1966.

16. Панченко Д. В. Ямбул и Кампанелла: О некоторых механизмах утопического творчества // Античность и Возрождение. М.: Наука, 1984.

17. См.: De la Ruffinière du Prey P. The Villas of Pliny from Antiquity to Posterity. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

THE VILLAS OF PLINY THE YOUNGER (EPIST. 2. 17 AND 5. 6)
AS A HUMANISTIC UTOPIA

DMITRI PANCHENKO. St. Petersburg State University (SPbU); National Research University Higher School of Economics (HSE University), St. Petersburg, Russia, dmpanchenko@mail.ru.

Keywords: Pliny the Younger; Roman villas; utopia; humanism.

The descriptions of villas in the letters of Pliny the Younger display a kind of utopia. It is based on the ideal of an ennobled and pleasant life, in which sublime, literary pursuits occupy a key place. The realization of this ideal requires inspiring natural surroundings and a certain degree of cosiness, but not the usual luxuries of gilding, ivory, and expensive statues common to the Romans of Pliny's circle. Pliny's description of his villas is not an account of status, of social influence, whether in political or literary circles: his way of life in the villas suggests a temporary removal from both the burdens and dividends of public duties, a concentration on pursuits alternating with leisure; there is no question, however, of escapism.

The life ideal behind the way Pliny describes his villas corresponds with his temper and outlook as they appear in the letters that have nothing to do with country pastime. As in the description of the villas Pliny does not boast of anything, does not argue with anyone, so in the whole collection of letters he appears as a benevolent, tolerant, reasonable, caring person with strong opinions. Although the utopia of Pliny's villas is not a project of collective reorganization, it is an elaborate ideal to follow. Pliny's humanism surprisingly anticipates the humanism of the Modern times.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-6-135-155

References

- De la Ruffinière du Prey P. *The Villas of Pliny from Antiquity to Posterity*, Chicago, University of Chicago Press, 1994.
- Fragmentsy rannikh grecheskikh filosofov* [The Fragments of the Early Greek Philosophers], Moscow, Nauka, 1989, pt. 1.
- Gavrilov A., Kazansky N. O Marii Efimovne Sergeenko (1891–1987) [On Maria Yefimovna Sergeenko (1891–1987)]. In: St. Augustine. *Ispoved'* [Confessiones], St. Petersburg, Nauka, 2013.
- Panchenko D. Iambul i Kampanella: O nekotorykh mekhanizmax utopicheskogo tvorchestva [Iambulus and Campanella: On Some Mechanisms of Utopian Creativity]. *Antichnost' i Vozrozhdenie* [Antiquity and Renaissance], Moscow, Nauka, 1984.
- Pis'ma Pliniia Mladshego* [Letters of Pliny the Younger], 2nd ed., Moscow, Nauka, 1982.
- Pliny the Younger. *Epistles. Book II* (ed. C. Whitton), Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2013.
- Sergeenko M. O Plinii Mladshem [On Pliny the Younger]. *Pis'ma Pliniia Mladshego* [Letters of Pliny the Younger], 2nd ed., Moscow, Nauka, 1982, pp. 274–282.
- Sherwin-White A. N. Pliny, the Man and His Letters. *Greece and Rome*, 1969, vol. 16, no. 1, pp/ 76–90.
- Sherwin-White A. N. *The Letters of Pliny: A Social and Historical Commentary*. Oxford, Clarendon, 1966.